

Сергей ЗВЕРЕВ
ПОДНЕБЕСНЫЕ
УБИЙЦЫ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Поднебесные убийцы

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Поднебесные убийцы / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2012 — (Спецназ ВДВ)

На Алтай отправляется археологическая экспедиция, чтобы разыскать ценный старинный манускрипт. Принимая во внимание особую значимость и секретность предприятия, охранять ученых во время поисковых работ было поручено группе десантников во главе с легендарным Батяней. И, как выяснилось, не зря. Очень скоро экспедицией заинтересовались китайцы, и в тот же район горного Алтая отправилась вооруженная до зубов Триада...

© Зверев С. И., 2012

© Научная книга, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Зверев

Поднебесные убийцы

Глава 1

Ветхий «Ан-2», называемый в народе «кукурузник», натужно взревев мотором, рванул по летному полю, поросшему невысокой густой травой. Подпрыгивая и подскакивая, он наконец подскочил повыше, да так и остался в воздухе, как бы неохотно устремляясь на взлет. Минуту спустя, уже ровно рокоча, начал набирать высоту.

Командир батальона спецназа ВДВ майор Андрей Лавров, почувствовав уже давно знакомое ощущение подъема ввысь, когда тебя снизу будто поджимают кресло и пол самолета, а уши закладывает, окинул взглядом своих подопечных – как они? К его удовольствию, все смотрелись молодцами. В принципе, для этих парней прыжки с парашютом перестали быть жизненным потрясением еще в бытность их срочной службы. А уж оказавшись на Средневожской базе спецназа, и вовсе трудно было не привыкнуть к такой обыденности, как десантирование с различных высот, в том числе и в затяжном варианте.

Но сегодня прыжки проводились в особых условиях – при сильном порывистом ветре и очень ограниченной видимости. К тому же на незнакомой лесистой местности. Оба пилота «кукурузника», люди на редкость спокойные и бывалые, с трудом удерживали свою «двукрылую стрекозу» на нужном курсе, то и дело испытывая боковые и фронтальные порывы ветра. Но спецназовцев болтанка самолета не напрягала. Они спокойно смотрели в иллюминаторы на уходящую вниз землю, которая по мере их подъема постепенно начинала окутываться полосомами тумана и затягиваться густой сизоватой дымкой. А самолет, выписывая круг за кругом, продолжал уходить в небесную вышину.

Вскоре дома, деревья и все сущее, покоящееся на земной поверхности, исчезло в сплошной облачной пелене, словно землю укутали толстым лохматым войлоком. Неожиданно над дверью в пилотскую кабину замигал сигнальный фонарь и раздался прерывистый звук зуммера – они вышли на заданную высоту и находятся над точкой высадки десанта.

Разговоры в кабине сразу же стихли, парни один за другим потянулись к распахнутой настежь двери и, с невозмутимым видом шагнув в пустоту, стали камнем падать вниз. Лавров, как всегда, прыгал последним. Для него этот процесс уже давно превратился из незабываемого события в рутину. Покидая самолет, как принято говорить у десантников «крайним», Батяня старался оказаться, что называется, «на подхвате» во всех смыслах этого слова. Твердо помня аксиому о кочерге, стреляющей раз в год, он не питал иллюзий по поводу того, что опыт и энное количество прыжков – стопроцентная гарантия от всяких непредвиденных случайностей. Прыгая последним, прежде всего, Батяня преследовал самую главную на тот момент цель – подстраховать всякого, кто почему-то вдруг окажется в нелюбимчиках у ведины-Фортуны.

Стоя у выхода, он внимательно, даже придиричливо вглядывался в каждого, кто из кабины самолета шагал в пустоту. Но пока все шло, как обычно, без осложнений.

– Леха, пошел! Вася – пошел! Марат – пошел!.. – чисто механически повторял Батяня.

Прыгавший предпоследним белобрысый поволжский немец Федор Эбергардт, задорно улыбнувшись, указал взглядом на мутное одеяло стелющихся внизу облаков.

– До встречи на земле, товарищ майор! – залихватски выпалил он, исчезая внизу.

Почти сразу же следом за ним прыгнул и молчаливый якутянин Борис Заморин. И тут... Андрея словно насквозь пронзило игой: сейчас что-то произойдет! Но что и с кем? И тут он почувствовал: с Федькой! Несмотря на сияющий вид Эбергардта, на лице парня была будто печать смертника.

Ринувшись из самолета вниз, Лавров вслед за всеми полетел вниз, широко раскинув руки и ноги. Это только домоседам думается, что падение даже с очень большой высоты скоротечно и парашютист обречен всего лишь на две вещи – успеть дернуть за пресловутое кольцо и после этого, болтаясь на стропях подобно манекену, дожидаться соприкосновения с землей. Вовсе нет! Тот, кто успел освоиться в небесной выси, даже за недолгое время свободного падения с нераскрытым парашютом успевает не только полюбоваться земным простором, но и выполнить массу разных дел. Например, произвести фото– и видеосъемку, выполнить целый каскад акробатических трюков, в том числе и групповых, а также произвести стрельбы из различных видов оружия.

Питомцы Батяни, прошедшие его школу в полном объеме, умели, находясь в свободном падении, «расчистить поляну» выстрелом из специального гранатомета. Если имелось подозрение, что на территории, на которую выбрасывался спецназ, могла затаиться засада, подготовленные бойцы, еще летя к земле сквозь тугие воздушные струи, за считанные секунды ухитрялись произвести прицельный выстрел из гранатомета. Это гарантировало, что в каком-нибудь малоприметном углу не уцелеет засевший там вражеский снайпер, который собирался исподтишка отстреливать летящих на парашютах людей.

Но самым главным умением среди спецназовцев считалось оказание помощи тому, чей парашют по каким-то причинам не захотел раскрыться. И хотя подобное случалось крайне редко, оказание помощи терпящему бедствие Андрей считал одним из самых важных моментов в подготовке десантника. Но если в любой другой день – при умеренном ветре и ясной погоде, когда все вокруг видно до горизонта и всякого, кто неминуемо мог не приземлиться, а припечататься к земле, гарантированно подстраховали бы ближайшие соседи, то в такую погоду, как сегодня, это сделать мог только человек с огромным опытом и колоссальным самообладанием.

В доли секунды вычислив, где именно мог находиться Федор, с учетом скорости движения самолета, Лавров перешел на наклонное, скользящее планирование. В какой-то момент он увидел его среди разрывов в облаках. Парень отчаянно боролся за жизнь. Он пытался распутать схлестнувшиеся меж собой купола и стропы основного и запасного парашютов. Оказавшись в точности над ним, Андрей сжался в комок, и земля, стремительно летевшая ему навстречу, теперь стала приближаться просто с бешеной скоростью. Но благодаря этому Батяне удалось настигнуть Эбергардта в каких-то нескольких сотнях метров от увеличивающихся на глазахвширь деревьев, реки, дорог...

– Держись! – с лету ударившись о Федора, крикнул Лавров и, мертвой хваткой вцепившись в ремень его парашютного ранца, рванул кольцо своего парашюта.

С громким хлопком над их головами раскрылся купол, что сопровождалось резким рывком, из-за чего мощь инерции мотнула Федьку вниз, и Андрей ощутил острую боль в руке, которой он держал парня. Да и тот, успев вцепиться в одежду своего спасителя, едва смог удержаться. Но, тем не менее, скорость его полета к земле сразу же снизилась в разы. И хотя спуск на парашюте – не ровня плавному приземлению аэронавта, путешествовавшего в небесной выси на воздушном шаре, а, скорее, равнозначен прыжку с крыши двухэтажного здания, он в любом случае давал стопроцентный шанс остаться в живых.

В последний миг перед приземлением Лавров успел заметить и ощутить нечто весьма необычное. Как видно, напугавшись чего-то огромного и непонятного, свалившегося сверху, с ветвей ближнего тополя суматошно вспорхнул дикий голубь. Светло-сизой тенью он выписал над землей замысловатый пируэт и, скорее всего, совсем потеряв голову от страха, метнулся наутек, по пути задев плечо Лаврова своим крылом.

– Товсь! – только и успев скомандовать в последнюю секунду спуска, Андрей ощутил весьма неласковое соприкосновение подошв своих берцев с поверхностью травянистого поля.

Они с Федором покатались по земле, теперь уже в полной мере сознавая, что самое страшное осталось позади. К месту их приземления начали сбегаться спецназовцы, те, кто уже успел погасить купол и свернуть парашют. Доносились отзвуки встревоженных голосов. Эбергардт с трудом поднялся на ноги, и на его лице тут же промелькнула болезненная гримаса.

– Что у тебя? Нога? – тоже поднявшись, строгим тоном поинтересовался Лавров.

– Да ничего! Пустяки, товарищ майор!.. – подтверждая свои слова, тот небрежно махнул рукой.

Но едва он попытался сделать шаг, тут же охнул и схватился за правую голень. Заставив парня снять берц и осмотрев ногу, Андрей заключил:

– Можно сказать, обошлось. Ничего серьезного нет. Но вот связки голеностопа потянули ты основательно. Придется пару недель побюллетенить...

– Что?! Бат... Товарищ майор! Да я за пару дней отлежусь... – начал было уверять Федор, но Лавров решительно пресек возражения.

– От-ставить! – перебил он Эбергардта. – Пройти полный курс лечения!

– Есть... – неохотно откликнулся Федька, подставляя ногу санинструктору, подоспевшему с бинтами и компрессами.

– Товарищ майор, а вас, я заметил, в момент приземления птица крылом задела, – многозначительным тоном произнес астраханец Леха Бабакин. – Это неспроста!

– Неужели? – Андрей рассмеялся. – Это что же, по-твоему, какое-то особое знамение?

– Можете смеяться, но это так и есть! – Леха с видом убежденного в своей правоте человека мотнул головой. – Мне дед рассказывал. Он в пятидесятые тоже служил в ВДВ, и вот у них было такое поверье, что если кого-то во время спуска на парашюте птица коснется крылом, то этому человеку скоро придется стать участником каких-то невероятных событий.

– И тому есть какие-то подтверждения?

– Да, и не одно, – кивнул Бабакин. – Ротный дед во время войны на учениях прыгал, и его на лету какая-то птаха наподобие синички тронула крылом. А на следующий день их выбросили в тыл немцам. И он попал прямо в немецкий окоп. Его тут же схватили и отправили в свой штаб. И что бы вы думали? Он в дороге сумел освободить руки от веревок, вырубить своих конвоиров и с ними на этой же машине вернуться к своим. А сослуживец дед, с ним тоже такое приключилось – птица крылом задела, вскорости попал служить в часть, которая охраняла Байконур, и лично видел, как в космос запустили первый спутник.

– А по-моему, все это ерунда! – Морщась от боли, Федька Эбергардт держал на весу ногу, которую санинструктор старательно обматывал бинтами. – Вон, в меня на той неделе воробей ткнулся. Ну и что это... – не договорив, он осекся.

– Да, Федь, да! – Леха торжествующе рассмеялся, мотая в воздухе указательным пальцем. – И ты сегодня, можно сказать, чудом остался жив. Если бы не Батяня – сам подумай, что могло бы случиться с тобой.

– Блин!.. – крутанув головой, недоуменно проговорил Федор и нервно рассмеялся. – В самом деле...

– Вообще-то, всему есть рациональное объяснение... – Лавров внимательно посмотрел на Эбергардта. – Федя, ты, когда вчера укладывал свой парашют, о чем думал? Какие думы одолевали? Когда сегодня прыгал, что было на душе?

– Да ничего особенного... – пожал парень плечами. – В принципе, все как и обычно.

– А если не в принципе? – Андрей испытующе смотрел на отчего-то замявшегося Эбергардта. – Что из дома пришло в письме, какие неприятности по службе нагрозили? Ну?..

– Гм... – Федор поморщился и неохотно поведал о том, что и впрямь вчера получил письмо, из которого узнал о вещах, не очень приятных.

Девушка, которая обещала его дожидаться, сегодня выходит замуж, хотя клялась, что будет ждать «и тысячу лет».

– ...Да это разве повод, чтобы переживать? – Эбергардт попытался изобразить безмятежную усмешку. – Было бы из-за чего! Выходит за другого? Ну и скатертью дорога. Я что, убогий какой-нибудь? Могу себе тоже другую найти. Да еще и в сто раз лучше!

– Конечно, Федя, ты у нас парень хоть куда... – Лавров кивнул, соглашаясь. – И другую найдешь, и та глупеха еще не раз будет локти кусать. В том числе и свои...

Грохнул дружный смех. Уловив соль шуток, рассмеялся и Эбергардт.

– Но – Федя! – уже без тени улыбки Андрей продолжил: – Как ни хорохорься, а это известие тебя все равно выбило из колеи. Ты позволил обиде овладеть тобой. Ты желал, чтобы той легкомысленной особе стало так же больно, как и тебе. Ты мысленно видел себя героически или, скажем, трагически погибшим, и ее, безутешно рыдающую у твоего гроба. Не так ли? Ну, я прав?

Некоторое время помолчав, Федор с хмурым видом кивнул.

– Во-о-о-т! От этой «печки» и будем «плясать». Своим настроением ты сам запрограммировал себя на самоуничтожение. Ясно? На уровне своего обыденного «я» ты и мысли не допускал, что хочешь своей смерти. А вот подсознание, которое не понимает аллегорий, которое все воспринимает в буквальном смысле, эту программу запустило. И ты, сам того не сознавая, какими-то движениями рук во время укладки парашюта допустил ряд ошибок. А во время прыжка усугубил их какими-то вроде бы пустячными промахами. И вот итог – ты едва не получил то, к чему в глубине души стремился вчера. Дошло?

Эбергардт снова молча кивнул. Притихли и все остальные.

– Парни, я вам уже не раз говорил: мысли материальны, и при определенных условиях они могут стать реальностью. Говорил? – Лавров теперь уже всех сразу окинул укоризненным взглядом. – Говорил. Ну, уж хотя бы теперь вы убедились, что это не пустые слова? Кстати! Кто вчера знал о том, что у Федора неприятности? Ага, Костя знал, Геннадий знал, Марат... И никто – никто!!! – не предупредил меня, никто не задумался о том, что парню через сутки выполнять прыжки в особо сложных метеоусловиях. И как же это, орлы, прикажете расценивать?

Теперь уже сразу несколько человек, испытывая досаду, понурились, понимая, что и в самом деле «облажались» – дальше некуда.

– Ладно, пока об этом хватит, – Андрей помассировал все еще ноющую кисть. – У нас еще будет время поговорить на тему вашей психологической устойчивости. Ну а тебе, Федя, индивидуальное поручение. Пока будешь лечиться, повтори весь курс аутотренинга, чтобы через две недели стал кремнем, а не плюшевым мишкой.

– Есть стать кремнем! – сконфузившись, шмыгнул носом тот.

– Кстати, кто из инструкторов вчера контролировал укладку твоего парашюта? – строго спросил Лавров.

– Прапорщик Мосейчук... – неохотно выдавил Федор.

– Мосейчук? – На лице Андрея отразилось недоумение. – Как же это он мог прошляпить твои ошибки? Ну хорошо, разберемся...

Он направился к подрулившему вездеходу с тентом, на котором взвод несколько часов назад прибыл на свой полигон. Глядя ему вслед, парни вполголоса переговаривались меж собой:

– Ну, теперь Батяня прапору «пропеллера» вставит!

– Как бы с базы не выпер!

– Думаешь?

– Ребята рассказывали, года три назад кого-то он уже турнул вот из-за такого же случая.

...Как бы там ни было, что бы и кто ни говорил, однако примета, связанная с той шальной птицей, хотя это выглядело чрезвычайно странным и даже невероятным, оправдалась в самой полной мере. Почти сразу же по прибытии на базу Лавров с ходу оказался втянутым

в круговорот, без преувеличения, не совсем обычных событий. О том, что ожидается нечто экстраординарное, он понял, еще издавек увидев направляющуюся к воротам базы черную «Волгу» генерала Фекина. Шофер «Урала», коротко взглянув в сторону Батяни, сдержанно, как бы про себя отметил:

– Хм... Неспроста это все...

Но Андрей уже и сам это уразумел. Мысли о прапорщике, допустившем непростительную оплошность, как-то сразу же ушли на задний план. Своим внутренним чутьем Лавров внезапно понял, что этот визит начальника учебного центра вовсе не дежурная инспекционная проверка. Скорее всего, тот прибыл по некоему чрезвычайно ответственному делу.

Выйдя на краю плаца из кабины «Урала», Лавров распорядился отправить Эбергардта в санчасть, а сам зашагал к штабу, перед которым стояла генеральская персоналка. Генерал Фекин в этот момент в кабинете дотошно выяснял у оставшегося «на хозяйстве» заместителя Батяни, капитана Кукреева, ход работы по подготовке к большим войсковым учениям, в ходе которых контингенту учебной базы отводилась особая роль – диверсионные действия в тылу условного противника и дезорганизация его командно-штабных управленческих структур.

Появление Андрея Фекин отметил многозначительным восклицанием:

– А вот и он!

Нетерпеливо остановив формальное приветствие и доклад о положении текущих дел в расположении базы, он обменялся с Лавровым крепким рукопожатием и, отпустив Кукреева и хитровато усмехнувшись, поинтересовался:

– Андрей, а как ты относишься к археологии, тайнам прошлого и тому подобному?

– Ну, в принципе, положительно. – Начав догадываться, о чем пойдет речь дальше, Лавров пожал плечами. – А что, на базе нашей части намечено организовать подразделение военных археологов для изучения вооружений и тактики ведения боя первобытных племен? – добавил он с делано наивным видом.

Генерал от души рассмеялся, по достоинству оценив юмор своего подчиненного.

– Не совсем так... – он сделал рукой неопределенный жест. – Речь не о том, чтобы вам всей базой куда-то ехать на поиски боевых каменных топоров. Нет... Есть необходимость оказать практическую помощь археологической экспедиции Академии наук. Суть вопроса тут такова...

Как явствовало из повествования генерала Фекина, его давний знакомый академик Демин год назад вернулся из экспедиции по центральной и юго-западной части Сибири. В ходе поездки было найдено несколько богатых захоронений, часть из которых содержала в себе огромное количество редких по красоте украшений. Но куда более ценной, чем украшения из золота и драгоценных камней, стала находка герметично закрытого ларца, в котором хранились пересыпанные порошком из каких-то растений несколько пергаментных свитков.

Будучи хорошим лингвистом, знающим немало древних и даже уже исчезнувших языков, академик Демин смог расшифровать большую часть написанного на редком наречии одного из народов, когда-то населявших территорию Алтая. Особенно его заинтересовал один из текстов. Его автор, живший около полутора тысяч лет назад, кетско-енисейскими рунами в чисто восточном духе иносказательно поведал о некоем «Тибетском манускрипте», который на Алтай принес тибетский монах, спасшийся от немилости могучего владыки, пришедшего с войной на ту землю, где стоял буддийский монастырь.

Повествователь не сообщил, что это был за правитель и почему монаху пришлось от него спасаться. Но вот о самом манускрипте он рассказал пусть и очень кратко, но весьма содержательно. Насколько смог понять академик, алтайский автор, по сути, утверждал, что в древнем документе, «написанном неведомо когда», названо место, где может быть загадочная, мифическая страна Шамбала. Более того, описаны пути, ведущие к ней, и даже как в нее попасть.

Описывалось, правда очень запутанно, и то место, где «Тибетский манускрипт» мог быть спрятан в одном из районов Горного Алтая.

Ошеломленный этой невероятной информацией, Дёмин связался с известным немецким востоковедом, профессором Вельтцером, и отправил ему по электронной почте снимок древнего документа. Месяц спустя он получил ответ, который полностью подтверждал его выводы: в тексте действительно повествуется о «Тибетском манускрипте», который лет восемьдесят назад безуспешно пытались найти заправилы Третьего рейха.

Сообщение Демина, вышедшее в периодическом издании Российской АН, в научном мире произвело эффект разорвавшейся бомбы. Ученые-энтузиасты, верившие в вероятность существования Шамбалы, вновь подняли эту тему. В академических кругах тут же с новой силой разгорелся их спор со скептиками, традиционно высмеивавшими такие, с их точки зрения, псевдонаучные нелепицы, как реликтовый гоминоид, полеоконтакты древних людей с представителями инопланетных цивилизаций и обитаемым миром, находящимся глубоко в недрах нашей планеты.

Тему «Тибетского манускрипта» не пропустили мимо и массовые издания, в которых также было рассказано, где – парой строк, где – целой полосой, о «путеводителе» в Шамбалу, написанном в незапамятные времена.

Но наибольший резонанс вызвало упоминание о том, что якобы на обратной стороне манускрипта имеется отпечаток ладони самого Будды. Причем имеющий невероятное свойство: по утверждению алтайского повествователя, всякий, чья рука полностью соответствует контурам кисти руки принца Сиддхартха Гаутама, прикоснувшись к отпечатку, может приобрести невероятное могущество, равное силе всех земных царей. Это утверждение вызвало наибольшее число насмешек и издевок скептиков. Но, невзирая на эти критические «шпильки», по обе стороны Атлантики кое-кто из политиков заговорил о том, что обнаружение «Тибетского манускрипта» может стать концом так и не осуществившегося «пакс американа», то есть мироустройства по-американски. И, напротив, станет началом «пакс раша» – мироустройство по-русски, что для многих из них выглядело страшнее, чем несостоявшееся поражение в былой «холодной войне» или даже теоретически предполагаемой горячей термоядерной.

Идея поиска загадочного документа была поддержана в столичных верхах, и академик Дёмин получил приличное финансирование на организацию экспедиции во все еще дикие, совершенно безлюдные районы Горного Алтая.

– ...И вот тут-то началась чертовщина... – Откинувшись в кресле, Федин побарабанил пальцами по столу и продолжил свой рассказ: – Неделю назад в квартиру академика Демина пробрались неизвестные. На свою беду там оказалась его домработница. Эти уроды убили женщину и выпотрошили потайной сейф в кабинете ученого. Все пять рукописей были похищены. Хорошо еще, что остались их снимки, которые Дёмин спрятал в домашней библиотеке.

– Наши «пинкертон» хоть что-то обнаружили? – слушая генерала, спросил Лавров, теперь уже окончательно поняв, куда клонит генерал.

– Абсолютно ничего. Сработано так, как будто в квартиру проникли бесплотные духи. Соседи ничего не слышали, никто ничего не видел, никто ничего не знает... – Федин сокрушенно развел руками. – Единственная зацепка – сам академик в день налета на квартиру случайно заметил у подъезда какого-то человека восточной наружности. Предположительно, это был китаец. Отсюда версия о том, что нападение – дело рук китайских Триад.

– Я бы с этим согласился... – кивнул Андрей. – Китайских мафиози у нас уже давно с большим избытком. Они вон уже и кавказские, и среднеазиатские ОПГ потеснили. Работают, я слышал, очень профессионально.

– Но и это еще не все. Через день после ограбления квартиры Демина из Москвы-реки водолазы выловили труп того самого, так и не установленного типа с признаками передозировки наркотиков. А позавчера было совершено покушение на академика Демина.

– Ничего себе!.. – удивился Лавров и покачал головой. – Это уж и вовсе наглость за пределами.

– Видимо, началась игра, ставки в которой – одна выше другой, растут не по дням, а по часам... – Генерал с хмурым видом потер кончик носа. – Ученый остался в живых, можно сказать, чудом. Его машину прямо у дома – это в дачном поселке Ромашино – двое неизвестных, проскочивших мимо на мотоцикле, обстреляли из автомата. Шофер Дёмина убит наповал, сам академик отделался царапиной на макушке – одна из пуль вскользь прошла по его голове. Некоторые знакомые Демина уже начали убеждать его в том, что он вроде как навлек на себя немилость алтайских духов, когда разрыл захоронения, и теперь ему надо бы отказаться от экспедиции. Но характер у академика оказался кремень – Демин и не подумал отказываться. Впрочем, сегодня утром обратился ко мне с одной просьбой.

– Он хочет, чтобы экспедицию охранял спецназ? – Андрей понимающе улыбнулся. – Человек эдак пять-шесть...

– Вот именно! – Федин пристукнул ладонью по столу. – Если учесть, что в этой истории начали фигурировать мафиозные отморозки, то мы просто обязаны принять соответствующие меры. В конце концов, речь идет о бесценном достоянии, принадлежащем России. Кстати, я рассчитываю, что группу сопровождения возглавишь именно ты. Дёмин просил, чтобы безопасность его сотрудников обеспечивал самый надежный человек. Ну а у нас кто самый надежный? Думаю, ответ ясен без обсуждения.

Слушая своего начальника, Лавров мысленно констатировал: «Гуд баеньки, подготовка к учениям на Каспии...»

– Но, я так понимаю, мы будем сопровождать экспедицию не как спецназ... – он многозначительно посмотрел на генерала. – А как кто?

– Хороший вопрос... – согласился тот, пряча произвольную улыбку – ему очень импонировали сообразительные люди с молниеносной реакцией на любое «про» и «контра». – Команда спецназа таковой по документам проходить не будет. С экспедицией предполагается направить шесть человек, которые будут оформлены в ее состав как младшие научные сотрудники, лаборанты, подсобные рабочие. Зарплата будет начисляться и здесь и там.

– Люксовая «замануха»! – Андрей негромко рассмеялся. – Последний вопрос. Когда в дорогу?

– Завтра спозаранку убываете в Москву, оттуда на поезде – в Барнаул. Ты, я так понимаю, уже решил, кого возьмешь с собой?

– Да... – Лавров подкрепил свое «да» движением век. – Прежде всего поедут сибиряки, уроженцы лесных и горных регионов. Поэтому думаю взять рядовых Бегунца, Усатова, Борисенко, сержантов Красилина и Маслюхина. Все уже, как у нас тут говорят, «на выданье» – прошли полный курс подготовки, так что не подведут.

– Ну, тебе виднее... – Генерал Федин поднялся из кресла. – Все, начинайте собираться, оформляй на себя и хлопцев командировки, упаковывайтесь, и завтра в семь ноль-ноль – в дорогу!

Глава 2

Поручив организацию сборов своей команды сержанту Маслюхину, Андрей отправился домой. Несколько дней назад с очередной «вахты», как прозвал он эти поездки в Нижний Новгород, вернулась Галя. Теща слегла всерьез, и Галине приходилось теперь чуть ли не месяцами проводить у ее постели. Когда наступало облегчение и та могла передвигаться самостоятельно, Галя сразу же возвращалась к Андрею. Но проходила неделя, и в прихожей снова требовательно дребезжал звонок телефона.

Иногда случалось и так, что прибытие Гали совпадало с отсутствием Андрея. В такие, как он называл их, «замороженные» периоды они не виделись по месяцу и больше. Лавров понимал положение жены, которая была вынуждена буквально разрываться между ним и матерью.

Та так и не смирилась с тем, что дочь расписалась без ее благословения с «каким-то непутевым майоришкой». Он догадывался, сколько нервов приходится тратить Гале на все эти дорожные мытарства, сколько ее душевных сил уходит на выслушивание необоснованных упреков в его и ее адрес, как ей сейчас приходится тяжело. Поэтому за год, прошедший с момента их знакомства, он ни разу ее ни в чем не упрекнул. Галина, несмотря ни на что, оставалась с ним, и Лавров это ценил чрезвычайно.

Еще во время разговора с генералом он ощутил внутренний укол – как же теперь сказать Гале, что он опять куда-то уезжает? За последний месяц вместе были-то всего меньше недели. Разумеется, Федину он и виду не подал, что не очень-то рад завтрашней командировке – армия есть армия, и здесь не принято капризничать «хочу – не хочу». И все же... Каково ей будет узнать, что он опять отправляется куда-то очень далеко, на неопределенно долгий срок?..

Войдя в прихожую, Андрей замер на пороге. Внутреннее чутье внезапно подсказало, что сейчас он узнает нечто такое, что его едва ли сможет обрадовать. Не разуваясь, он прошел к двери в зал и, заглянув, увидел Галину, которая паковала дорожную сумку. Внутри тут же словно что-то оборвалось. Какая-то последняя струна на незримой лире души, которая до сего момента, невзирая ни на какие передраги, продолжала упрямо вызывать песнь их любви, песнь их – увы! – уходящего счастья.

– Слава богу! – увидев мужа, обрадовалась Галина. – Я так боялась, что ты задержишься на службе, и я уеду, не увидев тебя.

– Опять осложнение... – Лавров понимающе покачал головой. – Надеюсь, надолго это не затянется. Хотя... Господи! О чем это я? Сам же завтра отбываю в Москву, а оттуда на Алтай. Надеюсь, за пару недель с делами там управимся. Ладно... Что уж теперь? Приеду раньше, чем ты – подожду. Если вернусь позже тебя – заранее прошу извинить. Там не все от меня будет зависеть...

– Андрюша... – Галя подошла к мужу и, обняв за плечи, положила голову ему на грудь. – Боюсь, теперь я уезжаю на очень долгое время. Маму забирает к себе в Канаду ее старшая сестра, тетя Надя. Она туда уехала с мужем еще лет двадцать назад. Недавно он умер. Да и сама она постоянно болеет. Живет совершенно одна – детей у них с дядей Гербертом не было. И вот просит маму переехать к ней на постоянное место жительства. Вид на жительство, сказала, оформит – денег у нее куча. Главное, считает она, рядом с ее домом хорошая клиника, где они обе смогут лечиться. И вот теперь – что уж поделаешь? – я туда еду с мамой...

– Господи! – Лавров до боли сжал супругу руками. – Да за что же это мне?! Ну почему я должен тебя терять?! Где же эта справедливость, черт ее побери? Или она уже совсем переродилась в нечто другое, и я обречен на то, чтобы только расставаться? Галя, давай договоримся, что хоть через год или два, но ты обязательно вернешься. Постой! Ты... Ты беременна? У нас будет ребенок?

Он чуть отстранился и недоуменно посмотрел на жену. За бегом, за хлопотами он даже не заметил, что с некоторых пор ее фигура приобрела едва заметные, но характерные для беременной женщины изменения.

– Да, мне сказали, что будет сын, – почти шепотом произнесла Галина. – Прости, что вовремя этого не сказала. Поверь, мне самой тоже очень обидно, что у нас все так неудачно складывается. Но... Не могу же я оставить мать одну! Понимаешь? Не могу! Да, она очень несправедлива, прежде всего к тебе. Но что же теперь поделаешь? Матерей ведь не выбирают, правда? Так уж получается, что мне назначено быть подле нее до... О господи, прости!.. До самого ее последнего часа.

Чувствуя, как внутри все напрягается и на душе становится тяжело, Лавров молча стоял, не отрывая взгляда от Галины.

– Галя, обещай мне, что хоть через год, хоть через пять или десять лет мы снова будем вместе! – Андрею казалось, что еще минута, и он задохнется от душевной боли, сдавившей грудь. – Обещаешь?

– Андрюша, я постараюсь... – Супруга осторожно высвободилась из его рук. – Твердо обещать могу только одно, что наш сын будет знать, кто его отец, и что тобой он будет гордиться. Знаешь, провожать меня не надо. Я сейчас и так буквально принуждаю себя ехать в Нижний. Боюсь, что передумаю в самый последний момент, а потом буду клясть себя за эту слабость. Вот уже и такси... – со вздохом добавила Галина, услышав сигнал автомобиля, донесшийся с улицы.

– Ну, ты хотя бы мне пиши... – обессиленно выдохнул Лавров.

Из-за разом навалившегося ощущения крайней несправедливости ему хотелось рвать и метать, разносить все сущее в клочья.

– Конечно! Я обязательно буду тебе писать! – Взяв сумку и поцеловав супруга, Галя направилась к выходу, но внезапно остановилась и обернулась. – Андрюша, помнишь наше знакомство? Я иногда вспоминала тех женщин, которые там, в санатории, добивались твоей взаимности, и мне однажды подумалось: какая же я тогда была глупая максималистка! В чем я смела тебя упрекать? В чем смела упрекать их? Я ведь тогда не понимала, что жизнь есть жизнь и ее законов не отменишь. Поэтому... Даже если нам больше не суждено встретиться, я все равно буду любить только тебя. Ну а ты... Если встретишь ту, что... подарит тебе свою любовь, свое тепло – не обижай ее отказом. Просто знай, что это – я, только немного другая...

С трудом сдерживая слезы, Галина быстро вышла из комнаты. Хлопнула дверь. Через минуту загудел мотор отъезжающей машины. Не выдержав, Лавров подбежал к окну и проследил взглядом за «десяткой» с оранжевым гребешком, которая уносила его любимую женщину в какую-то далекую даль, откуда ей вернуться к нему будет очень трудно, а ему поехать к ней вряд ли возможно.

* * *

...Колеса звонко отстукивали километр за километром, отмеряя бесчисленные перегоны между станциями и полустанками. Сколько раз ему уже доводилось слышать эту ни на что другое не похожую мелодию дальнего пути? Андрей лежал на диване двухместного купе, в котором размещался вместе с руководителем экспедиции, и временами поглядывал в окно. Он снова в дороге...

Их «археобанда», как именовал состав экспедиции склонный к юмору ее руководитель, известный ученый Петр Дёмин, прибыла на Казанский вокзал в восьмом часу вечера. Более двадцати человек научных сотрудников различных рангов – учитывая значимость объекта предстоящего поиска, академик Дёмин решил не скупиться, тем более что выделенные сред-

ства это позволяли – сопровождали шестеро спецназовцев ВДВ, для конспирации оформленных членами экспедиционной команды.

Конспирироваться пришлось, прежде всего, от иноземных мафиози (которые наверняка планировали подстроить в пути какую-нибудь каверзу), чтобы представители Триад пока что были в неведении о возможностях команды Дёмина по части вооруженного отпора возможным провокациям с их стороны. Враг, который не знает о предпринятой защите, не столь опасен, как враг осведомленный. Но не лишней конспирация была и в отношении армейского начальства. Как стало известно, в последний момент кто-то из крупных чинов МО дал отмашку по части отмены сопровождения археологов спецназом. Поэтому официально команда майора Лаврова отправлялась на Алтай с единственной целью – отработать сплав по горным рекам.

Поезду, который преодолевал более чем три тысячи километров между Москвой и Барнаулом за двое с лишним суток, предпочтение было отдано не случайно. После покушения академик Дёмин окончательно решил ехать только поездом. Было яснее ясного, что отморозки из Триад ради его устранения могут пойти и на то, чтобы устроить авиакатастрофу.

Время в поезде кажется необычайно тягучим и малоподвижным. Особенно для такого человека, как Лавров, который привык жить в постоянном движении. Но тут уж ничего не поделаешь – приходилось с этим мириться. Единственное, что очень досаждало, это непрощенные воспоминания о только что пережитом. Говорят, что «с бедой надо переночевать», и тогда ощущение боли притупится. Но, похоже, это правило на Лаврова не распространялось. Проснувшись утром под перестук колес, первое, что вспомнил Андрей, – их расставание с Галиной. Вопреки его воле мысли снова и снова возвращались к событиям вчерашнего дня. Лавров мысленно снова и снова видел Галю, стоящую на пороге, и его грудь словно стягивало железным обручем. Увидятся ли они еще хоть когда-нибудь?

– Я вот тоже однажды пережил нечто подобное... – неожиданно заговорил Дёмин, поднявшись со своего дивана. – Тоже расстались, и тоже, как мне тогда казалось, навсегда. Поверишь ли – душа рвалась на части! И кто бы мог подумать, что всего через пару лет все вдруг уладится само собой... Да еще как уладилось-то здорово! Потом было даже смешно вспоминать – и чего сам себе душу травил, чего кручинился?

Сухощавый и крепкий, выглядевший значительно моложе своих шестидесяти шести, он приятельски улыбнулся, глядя на Андрея. Сложив руки в замок, Пётр Михайлович с хрустом сделал несколько разминочных упражнений.

– По мне здорово заметно, что я не в своей тарелке? – Лавров удивленно покосился в сторону своего соседа по купе и одновременно подопечного – охрану академика он взял лично на себя.

– Андрей, ты сильный, волевой мужчина, – Дёмин понимающе улыбнулся. – Но есть такие чувства, которые вынуждают страдать даже самого сильного. И прежде всего, это любовь. Её не скроешь. Если она настоящая, её в себе не задушишь... Но её можно хотя бы на время усыпить, убаюкать. И не только можно, но и нужно. Иначе... Все силы, и душевные, и физические, уйдут на одни лишь переживания – уж поверь мне.

– Согласен... – глядя в потолок купе, Лавров чуть заметно кивнул. – Я и сам всё это прекрасно понимаю. Ладно! С этими душевными терзаниями пора кончать. Всё! Точка! Баста! Вы не будете против, если я прямо сейчас начну выполнение некоторых упражнений из раджа-йоги?

– Да сколько угодно! – рассмеялся академик, поднимаясь с дивана. – А я пока выйду в коридор, немного разомнусь.

– Хорошо, Пётр Михайлович, идёте, прогуляемся. – Лавров сунул за пазуху пистолет и тоже поднялся на ноги.

– Андрей! – Дёмин укоризненно покачал головой. – Ты меня что же, теперь и в туалет будешь сопровождать?

– В туалет буду не только сопровождать, но и проверять его на наличие мин-ловушек, в том числе и газовых, – без тени улыбки уведомил Лавров. – Вот выйдем в горы, там – обещаю – опеки поубавлю. А здесь вам придется терпеть мою назойливость.

– Ну, идём, идём, сударь перестраховщик... – безнадежно махнул рукой академик. – Куда уж от тебя денешься?

Андрей, выйдя в коридор первым, быстро окинул взглядом всё его пространство. В дальнем конце у открытого окна стояли трое эмэнэсов, которым что-то азартно рассказывал Макс Красилин. Пару секунд понаблюдав за его жестикуляцией, Лавров догадался, что тот повествует о вчерашнем происшествии с Фёдором Эбергардтом. «Надо же! – мысленно усмехнулся он. – Прямо пиарит меня по полной программе. Ну артист...»

Справа, улыбаясь, о чем-то беседовали молоденькая лаборантка, недавняя выпускница МГУ, и известный в батальоне сердцеед Костя Усатов. «Ого! – Андрей внутренне насторожился. – А наш Костя, я гляжу, не теряется, бабник хренов! Надо будет ему мозги-то вправить. А то охмурит дуреху, и – гуд бай. А нам всем красней потом за него...»

– Не надо ему ничего говорить... – проследив за его взглядом, вполголоса произнес Дёмин. – Катя девочка неглупая, с характером. Голову никогда не теряет и за себя постоять может. И уж если между ними что-то будет, то, поверь, не вследствие ее легкомыслия или его донжуанских талантов. Значит, и в самом деле возникло что-то обоюдное.

Лавров изучающе посмотрел на академика и негромко рассмеялся.

– Пётр Михайлович, вы меня не перестаете удивлять. Во-первых, надо отдать должное, вы очень тонко чувствуете чужие настроения. Прямо как мысли читаете. А еще, что я заметил, очень снисходительно относитесь к чьим-то слабостям. Скажем, к тому же вон Косте, который пудрит мозги вашей сотруднице с единственной целью – реализовать свой инстинкт самца.

Дёмин краем глаза взглянул в сторону щебечущей парочки и чему-то задумчиво улыбнулся.

– Ну, что касается чтения мыслей... Наверное, на то я и академик, чтобы уметь использовать свой мозговой аппарат по назначению, – он чуть пожал плечами. – Кстати, ты ведь тоже, я гляжу, очень даже лихо «сканируешь» чужие мысли и настроения. А снисходительно отношусь к людям, прежде всего, потому, что себя никак не отношу к сонму святых. В частности, так сказать, официальных. Их, надо сказать, на сегодня уже столько натиражировали, что в раю, мне так думается, сейчас, как в трамвае, – не протолкнуться.

С ходу поняв, в чём соль иронического посыла, Андрей от души рассмеялся. Проходившая мимо хорошенькая проводница, стрельнув в их сторону пронзительно-синим взглядом больших глаз, с видом, преисполненным важности своей миссии, проследовала дальше. Дёмин посмотрел ей вслед и уверенно констатировал:

– А ты ей понравился. Нет, это абсолютно точно – она сражена наповал. У бедняжки даже походка переменялась... Ты со мной не согласен?

Но Лавров почему-то даже не обратил внимания ни на проводницу, ни на замечание своего собеседника.

– Пётр Михайлович, а вы женаты? – неожиданно спросил он, думая о чем-то своем.

– Да, уже сорок лет, – с какой-то ностальгией в голосе ответил тот. – Ты хочешь спросить, не изменял ли я своей жене? Каюсь, было. Но всегда любил только ее. А романы на стороне... Это случалось в периоды долгой разлуки, когда моя природа начинала бунтовать, отнимая сон и желание работать. Нет, есть люди абсолютно ответственные, как, например, мой старый друг, профессор Ростохин. Тот, даже месяцами находясь в поездке, помню, не позволял себе и мимолетного взгляда в сторону женщин. Да-а! Я таких людей уважаю и даже немного им завидую. Но сам на это не способен. Увы!

Они стояли у окна и разговаривали, что называется, «за жизнь», о чём-то временами споря, что-то друг другу доказывая, что-то уточняя, но независимо от темы и тональности

разговора Андрей «на автопилоте» неотрывно отслеживал окружающую обстановку. Не привлекая к себе внимания, он внимательно изучал всех, кто проходил мимо них, кто так или иначе реагировал на их присутствие в коридоре. Но все как будто выглядело спокойно, ничто не вызывало каких-либо сигналов тревоги в подсознании, настроившемся на выявление опасности.

Академик Дёмин, не раз бывавший на Алтае и как руководитель экспедиций, и в качестве туриста – он обожал конные маршруты и сплав по горным рекам, – в ходе разговора упомянул о красотах этого необычного горного края.

– ...Не понимаю, какого черта наши снобы из года в год тащатся в Турцию, Египет, еще куда-то? – с иронией размышлял он вслух. – Нет, съездить посмотреть мир – дело нужное. Но если они не видели собственной страны, если турецкие отели знают лучше, чем даже Подмосковье, то кто они тогда, если разобраться? Да, я бывал за границей, и не раз. Ну и что там, в Турции, хорошего? Перемолотый сотнями тысяч ног песок на пляже и море, уже задыхающееся от пота, смытого с сотен тысяч спин? Европейцы умнее. Они едут к нам на Алтай, они видят настоящую, еще не загаженную, не истоптанную природу. Ты там еще не бывал?

– Да был как-то раз со своими орлами в ходе отработки пеших марш-бросков по горным перевалам... А так – когда ещё туда можно попасть? – Лавров сокрушенно развел руками.

– Ну, считай, теперь уж точно сможешь увидеть все самое-самое – гарантирую! – с некоторым даже азартом пообещал Дёмин. – Можешь потом похвастать в кругу знакомых, что экскурсоводом у тебя был не хухры-мухры – гид, а имеющий степень академика! – добавил он, с утрированной помпезностью вскинув вверх палец.

Они оба рассмеялись, и в этот момент Андрей заметил, как за дверью тамбура мелькнула какая-то тень. Было похоже на то, что кто-то вознамерился пройти через их вагон, но почему-то вдруг передумал и сразу же вернулся назад.

– Что-то случилось? – Дёмин вопросительно посмотрел на Лаврова.

– Возможно, показалось... Но надо будет проверить, что там и как... – Тот еще раз внимательно взгляделся в дверь тамбура.

Еще минут десять поговорив о том о сем, Дёмин взглянул на часы и, немного помявшись, просительно предложил:

– Ладно, Андрей, наверное, иди в купе. Я сейчас подойду...

Сразу поняв, что тот имеет в виду, Лавров рукой загородил ему дорогу.

– Пётр Михайлович, и не мечтайте! – твердым тоном уведомил он и решительно направился в сторону санузла, расположенного в конце вагона, где располагалось купе проводников.

– Андре-е-е-й!.. – досадливо выдохнул академик и неохотно поплелся следом за ним.

Осмотрев помещение туалета, Андрей обратил внимание на окно. Защёлки оконной рамы, фиксирующие ее в поднятом положении, почему-то были сломаны, и раму теперь даже снаружи при желании можно было свободно опустить. Это Лаврову показалось очень подозрительным. Он опустил раму и быстро выглянул из окна вверх. Сверху ничего подозрительного видно не было, но у Андрея все равно почему-то вдруг возникло ощущение того, что там, на крыше, кто-то есть. Закрыв окно и выйдя из санузла, он молча указал Дёмину кивком, что тот может войти.

– Андрей... – В голосе академика звучала укоризна. – Ты, я смотрю, прямо-таки готов стоять у меня над душой и в этом помещении! Ну зачем уж так дотошничать?

– Пётр Михайлович! Понадобится – и в этом помещении буду стоять, как вы говорите, над душой, – без каких-либо эмоций уведомил Лавров. – Я вас понимаю. Но моя обязанность – обеспечить вашу стопроцентную безопасность. И я ее обеспечу! Прощу!

Он отступил в сторону и, едва Дёмин скрылся за дверью, торопливо постучал в дверь купе проводников. Судя по всему, никак не ожидавшая его увидеть проводница, удивленно захлопав ресницами, с затаенным радостным удивлением только и смогла спросить:

– Вы?!..

Андрей впервые эту девушку заметил, когда они проходили на посадку. Но в тот момент, будучи переполненным настроениями, крайне далекими от лирических, особого внимания на проводницу не обратил и более-менее разглядел ее считанные минуты назад. Лавров уже и сам почувствовал повышенное внимание к своей персоне с ее стороны. Но что это могло изменить в его настроениях? Испытывая неловкость от того, что вынужден обмануть ожидания девушки, Андрей без приглашения вошел в купе и, избегая лишних предисловий, с ходу спросил:

– Извините, вы мне позволите воспользоваться вашим окном?

– В смысле?.. – брови девушки удивленно поднялись вверх.

– Об этом потом! Сейчас мне срочно нужно окно! – нетерпеливо замахал он рукой.

– Ну... Воспользуйтесь... – недоуменно ответила та, отступая в сторону.

Одной рукой задвигая за собой дверь, другой Лавров достал из-за пазухи пистолет и, открыв фрамугу, насколько это позволял просвет, посмотрел наискосок вверх. Его опасения оказались верны. Свесившийся с крыши тип в синей, под цвет вагона, маскировочной одежде тянулся рукой к окну санузла. Судя по положению его тела, неизвестный или висел на лонже, или его сверху подстраховывал напарник.

Поскольку в любой миг могло произойти все что угодно, причем вовсе не способное его обрадовать, Андрей решил действовать без каких-либо дипломатических штучек-дрючек и тому подобного никчемного политеса. Без колебаний выставив ствол пистолета в просвет фрамуги, он нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел. С воплем схватившись за простреленную руку, неизвестный на мгновение обвис и тут же исчез наверху. Это означало, что предположения насчет напарников, подстраховывавших киллера с крыши вагона – а в том, что это был киллер, не оставалось никаких сомнений, – были совершенно обоснованны.

Ойкнув и закрыв лицо руками в момент выстрела, девушка ошеломленно смотрела на странного гостя, который для чего-то надумал стрелять в окно.

– Вы... Кто? – полушепотом спросила она, глядя на Лаврова.

– Я обеспечиваю безопасность крупного ученого, – пояснил Андрей просто и без затей.

– А почему вы стреляли именно... – начав было говорить, она вдруг осеклась. – А-а-а!.. Все понятно. Он...

– Да, как и всякий живой человек, он не лишен необходимости бывать в том числе и в санузле, – пряча пистолет в кобуру, Лавров иронично улыбнулся. – К сожалению, жизнь устроена так, что напасть могут где угодно и когда угодно. Даже в самый неподходящий момент. Или вы с этим не согласны?

– А там что, кто-то и в самом деле был? – девушка указала куда-то вверх.

Судя по всему, до хозяйки купе только сейчас начала доходить суть происходящего.

– Ну не по воронам же я стрелял? – Поражаясь ее наивности, Андрей не мог не рассмеяться. – Сюда нужно срочно пригласить начальника поезда и патрульную группу полиции! У вас есть связь с начальством?

– Да, у нас недавно установили настоящий коммутатор! – с некоторой горделивостью сообщила девушка и, сняв трубку с прикрепленного к стенке аппарата, поднесла ее к уху. – Ой! Почему-то нет гудка. Что-то, наверное, случилось...

– Начальник в голове поезда? – нахмурился Лавров. – Надо срочно идти туда.

– Давайте я вас провожу? – предложила проводница.

– Ну, идемте... – кивнул Андрей, выходя из купе.

Дёмин, стоявший в коридоре поодаль, вопросительно воззрился в его сторону.

– Петр Михайлович, будьте пока в купе. Никуда не выходите! С вами оставляю ребят. Сам срочно иду к начальнику поезда. Маслюхин! Бегунец! – громко позвал Андрей.

Подбежавшим парням он поручил охранять ученого и приказал использовать оружие при малейшей угрозе покушения.

– Антон – в коридоре, Женька – в купе. Выполнять! – уходя, добавил он.

Глава 3

Лавров шел следом за проводницей, которая на ходу рассказывала о том, что год назад в ее вагоне тоже была стрельба. Меж собой повздорили какие-то «крутые», которые в худших «традициях» девяностых годов затеяли выяснение отношений с применением оружия. То ли кто-то кому-то слишком много проиграл в карты, то ли кто-то кого-то обозвал.

– Их задержали? – вслушиваясь в певучий голос девушки, поинтересовался Лавров.

– Задержали... Они тут же начали хвататься за мобилы, и их почти сразу же отпустили. У них, оказывается, связи где-то там, высоко-высоко. Даже оружие вернули с извинениями, – иронично сказала девушка. – Один из них все в купе ко мне пытался вломиться. Спасибо, какие-то спортсмены ехали, осадили наглеца. После этого не знала, как и быть. С одной стороны, вроде и работа нравится... А с другой – нередко случается такое, что, бывает, просто душу воротит. Да и личная жизнь из-за этих постоянных разъездов рухнула, – она вздохнула.

– Месяц в дороге, пару дней дома? – понимающе заметил Андрей.

– Да... Вас как зовут-то? – неожиданно спросила девушка. – Меня – Лариса...

– Андрей... – представился Лавров. – Спецназ ВДВ... – сам не зная зачем, добавил он.

– Ого! – восхищенно и с удивлением воскликнула девушка. – А я думала, вы из какого-нибудь ЧОПа...

Они шли по проходу плацкартного вагона, сопровождаемые взглядами десятков глаз, когда из одного купе неожиданно вывалил подпитой уроженец юга весьма нехилых габаритов.

– Красавица, не проходи мимо! – загородив дорогу Ларисе, пьяно ухмыльнулся он. – Посиди с нами, выпей вина... Куда спешить?

Кое-кто из его соплеменников робко попытался вернуть не в меру расхोлившегося «крутяка» обратно, однако тот отмахнулся от них, как от назойливых мух.

– Слышь, ты, клоун! А ну-ка исчезни с дороги! – жестко отчеканил Лавров, в упор глядя на выпивоху. – Что, от рождения глухой?

– Это кого ты сейчас клоуном назвал? – скривился тот, даже не подумав посторониться, игнорируя недовольное бурчание своих земляков, которые уже поняли, что их соплеменник зашел слишком далеко.

– Смотри, деловой, – с угрозой в голосе продолжил он, – а то по двести восемьдесят второй статья пойдешь под суд за разжиганий межнациональный рознь. Понял?

– Считаю до трех! – В глазах Андрея забегали искры. – Если не исчезнешь, то все вы сейчас пойдете пешком в свои родные края. Ну?! Раз! Два!..

Переполошившись, южане скопом вцепились в бузотера и поспешно уволокли его обратно в кубрик.

– Командир! Извини! – к Лаврову с виноватым видом обернулся один из южан. – Просто он немного перевыпил и крыша поехала... Мы его сейчас спат уложим, и все будет тихо.

– Уложите, уложите, – сердито сказал Лавров. – Можете даже колыбельную спеть. Только шепотом, чтобы людям не мешать.

– Господи... И когда только у нас порядок будет? – оглянувшись, досадливо проговорила Лариса.

– Сейчас разберемся... – пообещал Андрей, внутренне настраиваясь на жесткий разговор с начальником поезда.

...Тот, сидя в своем купе, пил чай вместе с двумя сотрудниками транспортной полиции. Появление Ларисы с каким-то крепким парнем с военной выправкой компанию несколько насторожило. Без каких-либо церемоний войдя в купе, Лавров хмуро представился и обратился к толстячку в железнодорожной форме:

– Начальник поезда – вы? Будьте добры, сообщите на ближайшую станцию, чтобы к поезду выслали опергруппу. Только что я был вынужден применить оружие для защиты жизни крупного ученого, которого сопровождаю. На крыше восьмого вагона должна быть кровь и какие-то следы, оставленные киллерами.

– А-а-а... Гм-гм... – Едва не поперхнувшись чаем, начальник поезда поставил растерянно стакан. – Хорошо, сейчас вызовем. Сейчас... Кстати, Вакулина! А ты чего тут? Показала дорогу? Молодец! Все, можешь быть свободна, – пробрюзжал он, недовольно взглянув на Ларису.

Та молча вышла из купе.

– Идите и не бойтесь! Я скоро пойду назад и, если что, подстрахую... – оглянувшись, ободряюще сказал Андрей. – Кстати, господа хорошие, а что это у вас в четвертом вагоне бардак творится? – строго взглянул он на полицейских.

– А-а, это у нас там «гастеры»... – досадливо поморщился один из сержантов. – Мать их так! Сказали же им, чертям, чтобы сидели тише воды, ниже травы... Они что, бузили там?

– Не все, но один приставал к Ларисе. В чем дело-то, ребята? Почему порядок не наведем? Что, слаба пружинка?

– Легко говорить... Вы вот сами – наведите попробуйте... – с сарказмом сказал второй сержант. – Сейчас с этим делом проблемы знаете какие? Законов всяких наиздавали – один тупее другого... Ну, к примеру, высадили бы мы их сейчас, этих раздолбаев, на ближайшей станции. А завтра нас самих могли бы поставить на уши.

– С чего бы это вдруг? – Лавров окинул сержантов недоверчивым взглядом.

– Ха! – первый, презрительно улыбаясь, покрутил головой. – Первый раз, что ли? Вот, с напарником неделю назад двоих задержали за дебош. Оба азиаты. По-русски еле бьются, мякают, а права свои – вы не поверите! – знают наизусть. Стали брыкаться, пришлось применить силу. Посадили их в «обезьянник». Наутро приперла толпа с адвокатом, тут же нашлись «свидетели», которые не моргнув глазом заявили, что эти двое тихо-мирно дожидались поезда, ни к кому не приставали, а это мы сами стали вымогать с них деньги, ни за что избили и незаконно задержали. А наши свидетели, кто позвал нас на помощь, бесследно смылись, еще когда мы тех «заластали». Итог? Пришлось извиняться и отпущать.

– Вообще-то я в принципе к «гастерам» отношусь терпимо... – заговорил второй сержант, изобразив неопределенную мину. – Те, что едут сюда работать, пашут и нигде не рисуются. Но есть и уроды, которых, мне так думается, сюда специально подсылают. Ну, чтобы наше население терроризировать, озлоблять, чтобы побольше было мордобоя и резни. И таких, я вижу, становится все больше – вот в чем дело.

– Да, видимо, это так... – кивнул первый. – Где-то там их готовят, натаскивают и отправляют в Россию. Ну а как на Кавказе? Там откуда берутся боевики? Вот то же самое и в Средней Азии. Эти гады и едут-то сюда только ради того, чтобы насильничать, заниматься грабежами, резней, вымогательством... Им тут раздолье – для наших они все на одно лицо.

– Точно! – вздохнул второй. – Насильника ловим, проводим опознание – больше половины не могут его опознать. А если какая и опознает – адвокаты начинают отмазывать непонятно на чьи деньги. Да и сроки-то у нас им какие дают? За малолетку лет пять-шесть, а то и меньше. Видимо, откуда-то сверху спускают такие «ЦУ». За нож в кармане «гастера» – только штраф. Своего могли бы реально посадить. Ну и что это за порядки? А крайние – одни мы...

– Пока у нас нет визового режима, так было и так будет. Если не хуже, – убежденно резюмировал первый. – Ладно, сейчас еще раз сходим, сделаем внушение. Не поймут – выкинем на первом же полустанке.

– А вы в этом поезде китайцев не замечали? – спросил Андрей, выслушав жалобы сержантов.

– В седьмом или шестом были какие-то трое, похожие на китайцев. Ну уж точно – не узбеки, не киргизы, – наморщив лоб, припомнил первый.

Поблагодарив полицейских за информацию, Лавров отправился обратно. Проходя через четвертый вагон, он краем глаза заглянул в купе с гастарбайтерами. Теперь там царил тишина – все лежали на полках, и лишь бутылки, валяющиеся под столом, свидетельствовали о недавней попойке.

Когда Андрей появился в своем вагоне, стоявший в коридоре напротив купе жилистый подвижный Бегунец приглушенно доложил, что за время его дежурства никаких происшествий не случилось.

– Отлично! – одобрил Андрей, посмотрев на часы, – часовая стрелка приближалась к шести вечера. – Пока будь здесь, а я схожу в седьмой и шестой вагоны. Вроде, говорят, там могли быть китайцы...

Пройдя через «гармошку» коридора, соединяющего тамбуры соседних вагонов, где стоял неумолчный грохот колес, он оказался в седьмом, тоже купейном, вагоне. Разыскав проводницу – крупную пожилую даму, он вкратце пояснил причины своего визита и попросил рассказать о пассажирах. Та лишь недоуменно развела руками – людей дальневосточного этнотипа в ее вагоне не было.

Проводник шестого вагона, худощавый дядька с тоненькими усами, охотно подтвердил, что в пятом купе действительно от Москвы ехали трое каких-то парней с желтыми лицами и узкими глазами. Возможно даже, это были и китайцы, хотя проводник в этом уверен не был.

– Идемте, надо бы с ними познакомиться, – безмятежно улыбнувшись, предложил Лавров.

Подойдя к купе, проводник постучал и попробовал открыть дверь. Но она даже не шелухнулась. Судя по всему, ехавшие там заперлись изнутри. Еще раз для проформы побарабанив кулаком, проводник достал из кармана специальный ключ. Наблюдая за ним, Андрей вдруг понял: внутри никого нет. И он оказался прав.

Менее чем через минуту, когда дверь отъехала вбок, стало видно, что в купе и в самом деле пусто. Оконная рама отсутствовала, и через зияющий проем были видны мелькающие в ранних сумерках деревья, растущие вдоль насыпи. Судя по всему, оконную раму демонтировали и выбросили. На столике у окна и на полу – что было заметно даже с порога – ярко алели пятна свежей крови. Остановив проводника, который собирался зайти внутрь, Лавров попросил дверь запереть и не открывать ее до прибытия оперативной группы.

Вернувшись в свой вагон, Андрей увидел Ларису, которая шла к нему навстречу по коридору. Улыбнувшись как старому знакомому, девушка певуче поинтересовалась:

– Ну и как, нашли тех, кого искали?

– К сожалению, нет... – Андрей развел руками. – Куда-то скрылись, не оставив нам прощальной записки, – попытался пошутить он.

– И что же вы теперь? – девушка изучающе посмотрела на Лаврова. – Будете их искать?

– Разумеется! Будем искать долго и упорно – хоть до утра, пока не выясним, есть они здесь или нет.

– Понима-а-ю... – проговорила Лариса и зашагала дальше.

Андрей тоже сделал несколько шагов и, не выдержав, оглянулся. Но именно в этот же самый миг оглянулась и Лариса. Их взгляды встретились. На самую-самую крохотную долю секунды. Однако и за этот невероятно короткий отрезок времени между ними состоялся скоротечный безмолвный диалог. В ее взгляде невозможно было не прочесть: «Эй, очнись! Неужели ты ничего не замечаешь? Или не хочешь замечать? Ведь как было бы здорово, если бы этот вечер, а может быть и более того, мы провели с тобой вместе...» Но наверняка и она в его взгляде прочла нечто определенное. Правда, несколько иное: «Все отлично вижу и прекрасно понимаю... И может быть, я был бы не против посвятить этот вечер тебе. Но служба есть

служба. А еще есть та, которая сейчас отсюда очень далеко, но она все равно незримо присутствует здесь. И с этим ничего не поделаешь...»

С безмятежно-невозмутимым видом они зашагали дальше, каждый в свою сторону. И едва ли кто мог бы догадаться, что каждый из них уносил в душе частичку горечи, порожденной неразрешимыми противоречиями велений души и тела двоих людей, испытавших друг к другу мимолётную симпатию, осознанием невозможности найти выход из этого безнадежного тупика.

Минут через десять поезд остановился у какого-то провинциального, но довольно крупного вокзала старинной постройки. В восьмой вагон с перрона тут же поднялась опергруппа из четырех человек. Старший группы, который представился как капитан Скибкин, выслушав Лаврова, послал одного из своих подчиненных на крышу вагона, чтобы тот осмотрел место, где находились киллеры. Прочие занялись осмотром купе в шестом вагоне.

Поскольку следственные действия несколько затянулись, начальник поезда со скрежетом зубовным был вынужден согласиться на дополнительную двадцатиминутную задержку. «Прочес» состава силами как дежурных сержантов, так и приданных им в подкрепление полицейских, которые дежурили на вокзале, в плане поимки киллеров из Триад ничего не дал. Китайцы исчезли. Скорее всего, они ухитрились на ходу десантироваться из вагона через окно.

Прикинув, где именно это могло произойти, капитан Скибкин созвонился со своим начальством и попросил, чтобы вдоль железнодорожной линии была направлена поисковая патрульная группа. Впрочем, дотошная проверка всего контингента пассажиров оказалась не напрасной. В ходе осмотра вагонов был обнаружен и задержан находившийся в розыске опасный рецидивист. «Залетел»-таки и тот самый, излишне бойкий гастарбайтер. Как видно, едкое замечание Лаврова задело сержантов за живое, и поэтому, скрупулезно проверив его сумку с вещами, на глазах всего вагона они нашли пригоршню «чеков» с героином.

Как показал осмотр пятого купе, его пассажиры несколько раз через выставленное окно по веревке взбирались на крышу своего вагона. Затем ползком по крышам пробирались к восьмому. Закрепив на оконном стекле купе, где находились Лавров и академик Дёмин, специального крохотного «жучка», они прослушивали их разговоры.

– ...Видимо, как только из вашего с ним разговора выяснялось, что Петр Михайлович намеревается выйти из купе, они тут же начинали ожидать его появления в санузле, – дымя сигаретой, повествовал Скибкин. – Вообще-то, если разобраться, для убийства это место идеальное. А что? Грохот в тамбуре стоит постоянный – кто услышит выстрел? Спихватятся человека не сразу – мало ли, почему он в туалете засиделся? А за это время можно сто раз скрыться. Кстати, на крыше вагона – кровящи... Иван, мой помощник, когда там осматривал, говорит, как будто кабана зарезали. Видимо, киллеру вы перебили пулей плечевую артерию. Не думаю, что он выживет. Хотя... Если вовремя наложили жгут – может, и вытянет.

– Но ему в любом случае нужно будет делать переливание крови, – задумчиво заметил Андрей. – А это сделать реально только в стационаре. Так что на этот момент он уже или сам умер от кровопотери, или добили свои же «кореша».

– Ну-у-у?... – Капитан недоверчиво воззрился на собеседника, всем своим видом выражая сомнение.

– Ну, нашли же на днях в Москве-реке их соглядатая, который «засветился» перед налегом на квартиру академика... – Лавров поморщился. – Это у нас испокон веков была такая общественная мораль, что жизнь человека бесценна и уникальна. Даже сейчас это есть, когда большинство в той или иной мере и очерствело, и осатанело. А у них, в условиях сверхскупченности, психология совсем иная. Жизнь человека там ничего не стоит, и ее сохранение – личная проблема каждого.

– Ничего себе! – почесав нос, с сомнением хмыкнул Скибкин.

– Интернетом пользуетесь? Вот, не так давно был описан случай, когда на юге Китая, в каком-то городе – не помню названия – на улице легковушка сбила двухлетнего ребенка. И никто – ни сам шофер, ни прохожие на это никак не отреагировали. А почему? Потому что это была девочка – в Китае самый нежелательный ребенок. Ее потом еще и микроавтобус с пассажирами переехал. И тоже не остановился...

– Ё-о-о... Гм-гм! Ч-черт побери! – Закашлявшись, капитан нервно бросил окурков в урну. – Это что за зверье-то такое?! И что же им, водилам этим, за это ничего не было?

– Какую-то ответственность они вроде бы понесли... Но дело-то в том, что этот случай не единичный. При полутора миллиардах населения там ежегодно убивается самими родителями несколько миллионов детей женского пола.

– Ничего себе «шуточки»! Прямо даже не верится, что такое возможно...

– Верится не верится, но это факт. Похожей информации в Интернете с избытком. Еще пример. Вот, спас ты ребенка, а ему нужна медицинская помощь. По китайским законам половину лечения обязан оплатить спасатель. Такие вот у них там «пироги»...

– Ох-ре-нет! Прямо как страшная сказка на ночь! Это что же тогда получается? Если они к своим детям так относятся, то что бы стали творить здесь, если бы вдруг, например, смогли захватить Россию? – Скибкин поправил форменную кепку. – Же-е-е-сть... Не дай бог, конечно, такого!..

Закончив положенные формальности с оформлением бумаг, опергруппа убыла, и поезд снова помчался по своему рельсовому пути, отполированному пробежавшими по нему за долгие годы миллионами вагонных колес. Глядя в темнеющее окно и держа в руке сотовый телефон, академик Дёмин о чем-то меланхолично размышлял.

– Что пригорюнились, Пётр Михайлович? – оторвавшись от купленного на станции географического журнала, Андрей испытующе посмотрел на своего подопечного.

– Э-э-э-х... – тот безнадежно махнул рукой. – Сколько же сейчас у нас развелось и шкурничества, и продажных людишек. Боже мой!..

– Есть какие-то неприятные новости? – Лавров сразу же понял, откуда «дует ветер».

– Есть, Андрей, есть... – Дёмин устало вздохнул. – Когда вы разговаривали с капитаном, мне позвонили из Академии и сообщили, что у нас с вами появились весьма серьезные конкуренты.

– Бандюги из Триад?

– Именно!.. – ученый с сокрушенным видом покачал головой. – В общем, как рассказал мой помощник, к нашим федеральным властям еще несколько дней назад обратилось некое китайское негосударственное «культурно-этнографическое общество» с просьбой разрешить допуск на территорию Алтая их, как они назвали, историко-этнографической экспедиции.

– С целью?

– Якобы для сбора данных, которые бы подтвердили теорию какого-то их там ученого-антрополога, выдвинувшего предположение, что праалтайцы своими корнями происходят из Китая. Дескать, он изучил черепа из нескольких захоронений и нашел не менее сотни признаков их тождественности форме черепа ханьцев.

– Ни дать ни взять, прямо-таки расовый отдел Альфреда Розенберга... – рассмеялся Андрей.

– Вот-вот... И теперь они собираются провести исследования на современном уровне, с изучением структуры генома алтайцев. Но на деле-то понятно, что за всем этим стоят все те же Триады...

– И им, следует понимать, разрешение дали? – иронично спросил Лавров.

– Именно! Причем без какого бы то ни было детального изучения и рассмотрения заявки. Прямо как лакеи кинулись исполнять запрос, приняв решение менее чем за сутки! – Академик в сердцах стукнул кулаком по крышке столика, за которым сидел у окна. – Это как можно

назвать? То у нас, было дело, смеялись по поводу «Вашингтонского обкома», дающего указания нашим федеральным верхам. Ну а теперь, я гляжу, и «Пекинский обком», причем мафиозный, командует нашими ведомствами повсю... Куда катимся?!

– Ничего, Пётр Михайлович! Пусть, пусть едут эти мафиозники... – В голосе Андрея прозвучали нотки сарказма. – Пусть! Если надумают устроить нам какую-то подлянку, жизнь им малиной не покажется – уж это я обещаю!

Незадолго до отбоя он прошел по всем купе, где ехали члены экспедиции, чтобы проверить, как там идут дела. В основном дорожная жизнь научных работников и распределенных между ними спецназовцев протекала в обычном, «штатном» режиме, без намека на вероятность каких-либо форс-мажоров. Кто-то уже начал укладываться спать, кто-то, имея склонности завязного гурмана, даже в такой поздний час уплетал бутерброды с сыром и колбасой, запивая их чаем, доставленным проводницей Ларисой. Кто-то лениво перелистывал страницы книг и журналов, а кто-то никак не мог наспороться, уже давно забыв, с чего, собственно говоря, началась стихийная, но, тем не менее, чрезвычайно напряженная и жаркая дискуссия...

В самом отдаленном купе, в отличие от всех прочих, атмосфера сложилась и вовсе далекая от научной, и даже просто свойственной обычной дорожной компании. Постучав в дверь и услышав дружный хор необычно веселых и даже возбужденных голосов: «Вой-ди-те!...» – Лавров сразу же понял – тут что-то не так.

И действительно, обитатели этого купе – две лаборантки, «мэнээс» с пышным, есенинским чубом и спецназовец Юрка Борисенко выглядели чрезвычайно жизнерадостными, и даже сверх того. Ярко-розовые лица и блестящие глаза без подсказок говорили о том, что сложившийся здесь «квартет» уже успел употребить чего-то разгоняющего кровь и веселящего душу. Причем в весьма изрядной дозе. Красующаяся на импровизированном «дастархане» бутылка кубанского вина, наполовину уже опорожненная, скорее всего, была далеко не первой.

Цветя безудержными улыбками, лаборантки при появлении Андрея дружно издали ликующее: «О-о-о-о!!!..» и усердно начали приглашать его к их «шалашу». При этом взгляды у девушек были отнюдь не целомудренными.

Юрка, едва Лавров шагнул в купе, вскочил на ноги и, стараясь притвориться абсолютно трезвым, с преувеличенно строгим видом начал докладывать:

– Товарищ майор, за время ваш... ваш-шего присутствия... То есть отсутствия... Гм... В общем, никаких происшествий не случилось, – наконец-то завершил он, особо отчетливо, с чувством выделив последнее «не случилось».

Слушая его, девушки с громким хохотом повалились одна на другую. «Мэнээс» тоже, не выдержав, фыркнул и отвернулся.

– Ладно, Юра, вольно. Садись, – Андрей чуть приметно махнул рукой. – Только давай так определимся – тебе, наверное, уже хватит. Ты меня понял? Учти, в данный момент – это у них свободное от работы время. А вот мы с тобой на работе.

– Так точно... – Не поднимая глаз, тот в знак согласия мотнул головой.

– Товарищ майор... – несколько вкрадчиво заговорила одна из лаборанток – полненькая, круглолицая крепышка, но другая – изящная шатенка, ее перебила:

– Свет, ты чего тут официозничаешь? В армии, что ль? У него ведь, между прочим, есть имя. И зовут его Андрей... Андре-е-е-й... – чуть зажмурясь, с некоторой даже негой в голосе протянула она. – Мне так нравится это имя!.. М-м-м! Андрей, а может, останетесь с нами? А?

Она одарила Лаврова столь жарким взглядом, что у него даже взмокла спина и отчего-то защекоotalo где-то в животе.

– Спасибо за приглашение, но у меня, как вы уже знаете, служба... – стараясь придать голосу невозмутимость, уведомил Андрей.

– Рит, чего ты к человеку пристала? Слышала же, что служба у него! – Светлана с утрированной строгостью одернула свою приятельницу. – Пост номер один – проводница Лариска.

Тут уже весь вагон знает, что она об него все глаза обломала, а ты не в курсах. А что? Краля хоть куда – и фигурка, и лицо...

Андрей рассмеялся.

– Нет, Света, Лариса тут ни при чем. Между нами, откровенно говоря, ничего не было и не намечалось. А насчет работы я не для красного словца упомянул. Нам с Юрой и в самом деле расслабляться нельзя. Вы в курсе дела, что крыша нашего вагона вон в том конце – вся в крови? Три часа назад некие отморозки пытались убить Петра Михайловича. Ну, скажем так, к счастью, их удалось опередить. Судя по всему, один из киллеров уже в «стране вечных снов». Вы же видели, как тут полиция работала?

– Тю! А мне подумалось, что это так, для пущей важности они сюда приперли... – Светлана изобразила недоуменную гримаску. – Вроде как бы учения по борьбе с условным противником. Да, народ, «поднаркозились» мы клево! Тут, ёшкин кот, война идет полным ходом, а мы-то и не знаем...

– Господи! – Рита смотрела на Лаврова широко раскрытыми глазами. – А я что-то вообще ничего не слышала. Дрыхла, как пожарная лошадь. А вы что, его грохнули? – Правой рукой она изобразила пистолет.

– Надо полагать, ранил... – лаконично уточнил Андрей. – Не исключаю и того, что серьезно.

– Ой! Я теперь ночь спать не буду... – с каким-то шутовским выражением глаз томно простонала Светлана.

– Что, страшно стало? – с веселой язвительностью прищурился «мэнээс».

– Не-е-е-т... Мне всю ночь будет видеться этот мужчина, Андрей – смелый и brutальный, с взведенным курком... пистолета.

Приятельницы снова залились смехом. Закрыв за собой дверь, Лавров зашагал к своему купе. «Вот черти неумные! – с трудом сдерживая смех, мысленно выругался он. – Ничем их не проймешь...»

Академик Дёмин к этому времени уже улёгся спать. Но когда Андрей, стараясь идти на цыпочках, направился к своему дивану, сосед по купе тут же открыл глаза и негромко поинтересовался:

– Ну и как там народ? Всё в порядке?

– В общем и целом – да, – кивнул Лавров, прямо в одежде ложась на диван. – Если не считать некоторых мелочей, типа попойки в самом дальнем купе.

– А-а-а... Там Светуська с Ритуськой, Эдик Дрожкин и кто-то из твоих ребят, – без труда припомнил Петр Михайлович. – Да, компания, что называется, и спетая, и спитая. Я бы этих троих давно уже выпер с работы. Как поездка – так обязательно попойка, обязательно дым коромыслом. И не только... Обе девахи в разводе, обе, говоря по-народному, слабы на передок. Так что головной боли с ними хватает. Эдя – тоже еще тот гусь лапчатый... Но вот как специалисты – цены им нет. Эрудиция и чутье на находки – исключительные. Пашут, как лошади – натужно, можно даже сказать, остервенело... Если выгнать, то заменить будет уже нечем.

– А по-моему, они нормальные ребята, – Андрей пожал плечами. – Весёлые, жизнерадостные. Мне, например, понравились...

– Ладно, ладно, не заступайся – выгонять я их и не собирался. Пусть чудят... – видимо, уже засыпая, пробормотал академик.

Приглушив ночник до минимума и опустив специальную светонепроницаемую шторку на окне, Лавров сунул пистолет под подушку и погрузился в зыбкий полусон, когда перед глазами маячат несвязные сновидения, а уши ловят каждый подозрительный шорох.

Глава 4

Поезд прибыл к перрону барнаульского вокзала, старинного одноэтажного здания с двумя длинными флигелями, тянувшимися в обе стороны, в шестом часу утра по местному времени, что соответствовало третьему часу ночи в Москве. Яростно зевающая «археобанда», закинув свое имущество в грузотакси, разместилась в автобусе, нанятом помощником Дёмина по хозяйству. Андрей, загружаясь в салон последним, оглянулся на однажды уже виданный им вокзал и ностальгически улыбнулся – как давно он здесь не был! А кажется, только вчера... И кто бы мог подумать, что попадет он сюда еще раз при таких вот, не совсем обычных обстоятельствах?!

Засыпая на автобусных креслах, археологи даже не заметили пути, пройденного автобусом до гостиницы. В качестве временного пристанища Дёмин избрал гостиницу «Алтай» – четырехэтажное оранжевое здание в центре города еще довоенной постройки, с балкончиками старинного фасона, фигурной каменной кладкой углов и карнизов. К многозвездным отелям «Алтай», наверное, отнести было бы трудно. Но академик Дёмин, бывая в Барнауле, предпочитал останавливаться именно здесь.

Разбредясь по отведенным номерам, большая часть членов экспедиции продолжила начатое в автобусе дело – завалилась спать, поскольку все были измотаны более чем двухсуточной болтанкой в вагоне. В числе немногих, кто остался на ногах, оказались и сам академик, человек спартанской закалки, и Андрей Лавров, рассудивший, что отоспаться еще успеет, а пока что лучше как следует увидеть Барнаул хотя бы сейчас – в прежнее время по понятным причинам ему было не до экскурсий.

Они с Дёминым отправились позавтракать в гостиничный ресторан, который с учетом ранней утренней поры работал в режиме обычной столовой. Получив на раздаче, скорее всего, разогретый суп-харчо вечерней варки, антрекоты и кофе, они набросились на еду с аппетитом завязых чревоугодников. Впрочем, это было объяснимо – дорожная сухомытка надоела, как выразился Петр Михайлович, «до колик».

Не по годам зоркий и подвижный академик, энергично орудуя ложкой, в процессе поглощения первого блюда, которое с дороги путешественникам показалось даром богов, тем не менее ухитрился приметить краем глаза молодую, пригожую барнаульчанку, собиравшую со столов посуду. Проходя мимо их столика, девушка с интересом посмотрела на ранних посетителей, задержав свой взгляд на том, что помоложе.

– Хм... – многозначительно обронил Дёмин, кивнув в ее сторону. – Тебя уже и здесь успели заметить. Ишь, как снайперски стреляет в твою сторону! Кстати, а Ларису перед выгрузкой из вагона не видел?

– Нет... – совершенно нейтрально ответил Лавров, не отрываясь от еды. – Вы же помните, что, когда выходили, дверь открывала ее напарница. Да, собственно говоря, какое могло иметь значение, видел я ее или нет? Между нами ничего не было, да и быть не могло. Мы расстались с ней так же, как и с любым другим членом поездной бригады. И если у нее, предположим, на меня были какие-то виды, то теперь это вообще можно отнести к категории мимолетных, уже забытых симпатий. Как кто-то сказал, мы странно встретились и странно разошлись...

Перейдя ко второму блюду, Лавров чисто механически отметил в памяти, что за время их пребывания в ресторане зал покинули двое типичных европейцев и появились трое молодых людей восточного этнотипа.

– Судя по твоему – уж извини старого зануду за прямоту – многословию, она все равно каким-то краем тебя зацепила. – Петр Михайлович усмехнулся. – Я почему упомянул о Ларисе? Мне нужно было оценить твою реакцию. Если бы ты остался к ней абсолютно индиф-

ферентен, то, возможно, спросил бы даже: а кто это такая? Но ты отреагировал несколько иначе, и поэтому я выполняю просьбу этой девушки. Вот, возьми.

Он протянул сложенный вчетверо листочек из блокнота в клеточку. Андрей, уже догадываясь, что там может быть, развернул бумагу и увидел номер сотового телефона.

– Вчера вечером она к нам зашла – ты в это время ходил проверять, как твои орлы несут дежурство, и попросила передать тебе, но только когда будем уже в Барнауле. Краснела при этом и заикалась, как гимназистка на первом свидании. Ну, как я мог ей отказать? – с сокрушенным видом Дёмин развел руками. – А теперь – все, моя совесть чиста. Свое обещание я выполнил, а с номером поступай как знаешь.

– А как бы поступили вы? – С некоторым даже вызовом, чуть заметно улыбаясь, Лавров еще раз пробежал взглядом по строчке цифр, написанных красивым, круглым, женственным почерком.

– Я? Скорее всего, оставил бы на память... – академик с мечтательностью во взгляде негромко вздохнул. – Да, давно мне уже не оставляли телефонов молодые и красивые. Знаешь, исходя из того, что жизнь – штука весьма непредсказуемая и выкинуть может такие фортеля, что только держись, надо запомнить одно важное правило: в ней ничего не надо абсолютизировать. Никогда не говори «никогда». Кстати, какие планы на сегодня?

– Если позволите, отвечу вопросом: а у вас?

– Сейчас хочу ненадолго встретиться со своими здешними коллегами, обсудить кое-какие вопросы. Заодно надо организовать транспорт до Горно-Алтайска. Ну, вообще-то, с этим делом вполне успешно справится и Григорий Семенович, мой помощник. А потом хотел бы показать Барнаул тем, кто его еще не видел, но желал бы познакомиться поближе. Надо сказать, город очень красивый и, я бы особо отметил, по-сибирски гостеприимный.

– Замечательно! Именно знакомству с городом я и планировал посвятить весь сегодняшний день, – отодвигая тарелки, уведомил Андрей. – Где, во сколько?

– Ну, сейчас уже около семи... – Дёмин посмотрел на часы. – Часов до десяти я думаю со всеми своими делами управиться. Так что встречаемся в десять у входа в гостиницу. Ладно, иду приводить себя в божеский вид, а то он у меня вовсе не столичный. А марку держать все-таки надо!..

...В компании с еще полутора десятками человек академик Дёмин отправился в вояж по городу на специально арендованном для этого автобусе. Примерно половина членов «археобанды» решила или отлежаться в номере перед экраном телевизора, или «продолжить банкет», как это сделал «квартет» из крайнего купе, или, как лаборантка Катя и спецназовец Костя Усатов, отправиться прогуляться в индивидуальном порядке.

Автобус неспешно катил по Барнаулу, а Пётр Михайлович, подсказывая шоферу маршрут движения, повествовал о тех или иных достопримечательностях, оказавшихся по пути. Экскурсионное путешествие по городу, прерываемое остановками, продлилось несколько часов.

Обладая сильно развитой зрительной и слуховой памятью, Лавров, что называется, на лету схватывал увиденное и услышанное, не забывая постоянно отслеживать окружающую обстановку. Их компания побывала на Демидовской площади у четырнадцатиметровой гранитной стелы, именуемой Демидовским столпом, которая была воздвигнута более полутора веков назад в честь столетия горного дела на Алтае.

– ...После революции столп было решено разрушить как символ царизма. Но памятник, построенный на совесть, выстоял, и вандалам от власти этого сделать не удалось, – стоя перед стелой под порывами легкого ветерка, увлеченно рассказывал академик. – Вот как строили в прошлые века! – с назиданием добавил он.

– Нет, Пётр Михайлович! – дослушав его, Дрожкин категорично помотал головой. – На достопримечательность этот столп никак не тянет. А где традиционные петроглифы типа

«Здесь был Вася», «Гога плюс Нюра – любовфф»? Такое ощущение, что люди тут вообще не бывают. Так что есть предложение восполнить этот вопиющий недостаток, написав: «Тут был Эдя из Москвы».

– Я тебе напишу! – возвращаясь к автобусу, погрозил ему кулаком академик.

– Ну, ладно, ладно! Манией величия я не страдаю, поэтому согласен на другой текст: «Здесь был академик Дёмин. И Эдя». А что? По-моему, отпадно...

Смеясь Эдиным «инновациям», экскурсенты начали загружаться в автобус, чтобы ехать дальше. Еще раз оглядевшись, Андрей неожиданно увидел идущую к колонне компанию каких-то дальневосточных граждан, увешанных фотокамерами, которыми они без конца снимали направо и налево. «Похоже, японцы...» – входя в автобус, с некоторым облегчением мысленно отметил он.

Когда они проезжали мимо одной из четырехэтажек с высоченным шпилем над крышей, построенной в духе «сталинок» тридцатых-сороковых годов, Петр Михайлович огорченно отметил:

– ...Ветшающий символ Барнаула – «Дом под шпилем». Ну, такого и у нас в Москве более чем достаточно. Не умеем мы хранить свое историческое достояние.

– Який гарный будынок! Шкода, не знае, на який бик завалытыся! – неожиданно Светуська по-украински прокомментировала увиденное.

– Сей ит ижейн, ледиз! (Повторите ещё раз, леди!) – под общий смех по-английски откликнулся кто-то из аспирантов.

Побывали они в нескольких десятках мест, повидав и помпезно-колоннадную Алтайскую академию культуры, и самые разные памятники всевозможных стилей и эпох, среди которых оказались изваяния не только уроженцев этих краев, но и людей, которые здесь, скорее всего, никогда не бывали, но, следовало полагать, пользовались у барнаульчан особой популярностью – Пушкина и Высоцкого.

Кроме всего прочего, экскурсенты прогулялись по нескольким паркам города, полюбовались старинными храмами, проехали по какому-то проспекту мимо рвущегося в небо реактивного бомбардировщика. А еще, оказавшись у речного вокзала, оценили величие студеной Оби – по словам Дёмина, даже летом, не имея хорошей закали, в ней искупаться было не так-то просто.

– Это вам не теплая экваториальная лужа, именуемая Красным морем, – с некоторым даже пафосом отметил он. – Это – Обь!

Зная не только географию Барнаула, но также его были и небылицы, Пётр Михайлович не преминул поведать своим спутникам некоторые из них. Когда автобус уже на обратном пути проезжал мимо красивого старинного двухэтажного особняка, он попросил шофера остановиться напротив.

– ...Это, друзья мои, дом, где много-много лет назад, по преданию, произошло ужасное злодеяние, – сделав таинственный вид, Дёмин указал взглядом на строение, окрашенное в красный цвет, с белыми углами и карнизами.

– Ой, девочки! Обожаю страшные истории. Особенно на ночь! – сообщила Ритуська.

– Так вот, принадлежал он некоему генералу. То ли от кавалерии, то ли от инфантерии, но невероятному ревнивцу. Мавр Отелло, говоря молодежным языком, отдыхает. И вот однажды, приревновав к кому-то свою молодую жену, он приказал ее замуровать в стену заживо. С тех пор в стенах этого здания – на сегодня это городская администрация – по ночам появляется привидение несчастной генеральши.

– Вот злыдень! Вызываю его на дуэль. Правда, посмертно... – Под смех и подначки слушателей Эдя ударил себя в грудь кулаком. – А ее что, эту местную Дездемону, кто-то там видел?

– Утверждать не берусь, но здешний драматург Юдалевич когда-то написал об этом пьесу, которую назвал «Голубая дама».

– Гм-гм... По нынешним-то временам название довольно-таки... Пикантное! – тут же откликнулся все тот же неугомонный Эдя.

– Вот у кого язык без костей! – переводя дух, рассмеялся Петр Михайлович. – Ну что, едем домой? – спросил он, утирая лоб платком.

– Едем! – пробасил колоритный бородач – завхоз экспедиции Григорий Семенович. – Но вы нам, может быть, что-нибудь еще расскажете?

Слушая краеведческие «страшилки» академика, Лавров вглядывался в идущих по улице прохожих, в бегущие мимо авто. На что-то он вообще не обращал никакого внимания, а что-то «на всякий пожарный» фиксировал в своей памяти.

– Хорошо... – дав команду шоферу направляться к гостинице, согласился тот. – Значит, эта быль-небылица об одном из Демидовых – Анкифий. Здесь когда-то добывали медь и серебро. Кстати, у Новосибирска в городе Сузуне был даже свой монетный двор, где одно время чеканили для сибирского региона монету с характерным рисунком – на ней были изображены два соболя. Так вот, здешние воеводы и заводчики из-за отдаленности чувствовали себя чуть ли не удельными князьями.

– А то сегодня это не так!.. – хохотнул кто-то из спецназовцев-сибиряков. – В наших краях иные себя возомнили вообще не поймешь кем. Чуть ли не выше бога!

– ...Ну и, понятное дело, вольничали, кто как хотел, – академик невозмутимо продолжил свой рассказ. – И тогда правившая в то время Елизавета Петровна передала своим указом демидовские заводы за махинации с плавкой серебра в казну. Анкифий перед смертью их проклял, и после этого в тех местах все пошло наперекосяк. То наводнение случится, то пожар чуть не на полгорода... В общем, жить стало не скучно... Ну, вот мы и дома! – заключил академик, когда автобус остановился перед гостиницей.

Вывалив из салона, экскурсанты оживленно обсуждали только что увиденное. В этот момент из здания гостиницы на улицу вышла чем-то до крайности расстроенная лаборантка Катя. Глянув на нее, Лавров тут же понял: случилось нечто неприятное. Да и все остальные, увидев девушку, сразу же притихли.

– Что-то произошло? – нахмурившись, озабоченно спросил Петр Михайлович.

– Да, – Катя торопливо кивнула. – Мы с Костей гуляли по скверу, и на нас напали трое каких-то отморозков.

– Азиаты дальневосточного типа? – внимательно глядя на девушку, уточнил Андрей.

– Нет, европейцы... На лицо как будто русские, – девушка пожала плечами.

По ее словам, все произошло столь быстро, что она сразу даже не поняла, что вообще происходит. Они шли по аллее, и в ее конце, у самой дороги, где двигался поток автотранспорта, увидели киоск «Мороженое». Костя тут же помчался к киоску, собираясь купить себе и Кате пломбира – он признавал только этот сорт мороженого, – а она осталась в тени деревьев у тротуара. И тут, словно в каком-нибудь западном боевике, у тротуара резко затормозила синяя иномарка – какая именно, Катя не знает.

Из авто выскочили трое парней, которые внезапно набросились на Катю и поволокли ее к машине. Все происходило как в каком-то дурном, кошмарном сне. Услышав крик девушки, Костя ринулся на выручку. Самый крупный из этой тройцы загородил ему дорогу, тогда как двое его подручных попытались затолкать девушку в салон своей машины. Благо Катя имела неплохую спортивную подготовку, в том числе и по самообороне, что позволило ей вырваться из рук одного из негодяев и нанести другому весьма ощутимый удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.